

ДЕРЕВА ИОНА УНГУРЯНУ

Наталья Старосельская
Фото предоставлено ЦАТРА

28 января на 81-м году жизни скончался Ион Унгуряну — артист театра и кино, режиссер, на протяжении длительного времени работавший в Москве. Почти полтора года назад по телевизионному каналу «Культура» по случаю его юбилея показали посвященную Унгуряну передачу, несмотря на то, что после его возвращения в Кишинев, став общественным деятелем, Ион Спиридонович не раз выступал против страны, принесшей ему славу и любовь артистов и зрителей.

*И. Унгуряну,
А. Салынский,
Ю. Еремин.
1982 год*

Как же стремительно несется время!.. Порой кажется, что в жизни каждого из нас неизбежно наступает момент, когда не успеваешь перевернуть песочные часы — все быстрее и быстрее уносятся секунды... минуты... десятилетия...

С этим самобытным режиссером судьба свела меня в гримерной Регимантаса Адомайтиса (которому, к слову сказать, в январе исполнилось 80 лет) в Вильнюсском драматическом театре, куда я приехала на два дня, чтобы посмотреть

Ничего не поделаешь, мы так бурно делили в то время некогда общее пространство, что подобное случалось нередко...

спектакль «Затворники Альтоны» Ж.-П. Сартра. Просто села в поезд, утром побродила по городу и пристроилась переночевать в каком-то общежитии, купила билет и вечером отправилась в театр. До этого момента я видела Адомайтиса только в кино, но впечатление от его сценического существования было настолько сильным, что, словно в бреду, никем почему-то не остановленная, я пошла за кулисы. Десятилетия спустя я отчетливо понимаю, что выглядело это, мягко говоря, странно, но тогда мне казалось совершенно естественным высказать артисту все, что я пережила благодаря ему.

Встретил меня Адомайтис вежливо, несмотря на то, что в его маленькой гримерке уже были посетители — два человека, представившиеся артистами кишиневского теат-

Ион Унгуряну

ра «Лучафэрул». И несколько часов промелькнули в разговорах о спектакле, о Сартре, об известном фильме по этой пьесе, о литовском и о молдавском театре. Потом, уже в Москве, по просьбе Адомайтиса, я подробно написала ему о спектакле (кажется, это была моя первая попытка писать о театре), и он ответил очень серьезным и теплым письмом.

«Режиссерами спектакля были Борис Иванович Равенских и Ион Унгуряну, и каким-то совершенно естественным образом дополнили они друг друга — высокая романтическая мелодия, присущая спектаклям Равенских, была подхвачена и обогащена поэтическим восприятием мира Иона Унгуряну».

А спустя год или два я увидела премьерную афишу Малого театра — спектакль «Птицы нашей молодости» Иона Друцэ, творчество которого к тому времени не просто знала, а очень высоко ценила. Режиссерами спектакля были Борис Иванович Равенских и Ион Унгуряну, и каким-то совершенно естественным образом дополнили они друг друга — высокая романтическая мелодия, присущая спектаклям Равенских, была подхвачена и обогащена поэтическим восприятием мира Иона Унгуряну. Сам выбор пьесы Иона Друцэ для той эпохи начала 70-х годов был на редкость «ко двору» — необходимо было вернуть зрителю ощущение особой поэ-

зии Добра и Справедливости, Красоты, разлитой в окружающем мире...

Успех был бесспорным и, поскольку к тому времени в Молдавии у Иона Унгуряну начались не самые радостные времена (закрыли спектакль, варварски уничтожив музыкальную фонограмму Евгения Доги, правительственные верхушки выражали свое недовольство творчеством молодого театра «Лучафэрул», родившегося из курса Театрального училища им. Б.В. Щукина и, в частности, создателем театра, артистом и его главным режиссером), министр культуры СССР Е.А. Фурцева посоветовала Унгуряну не торопиться с возвращением в Кишинев.

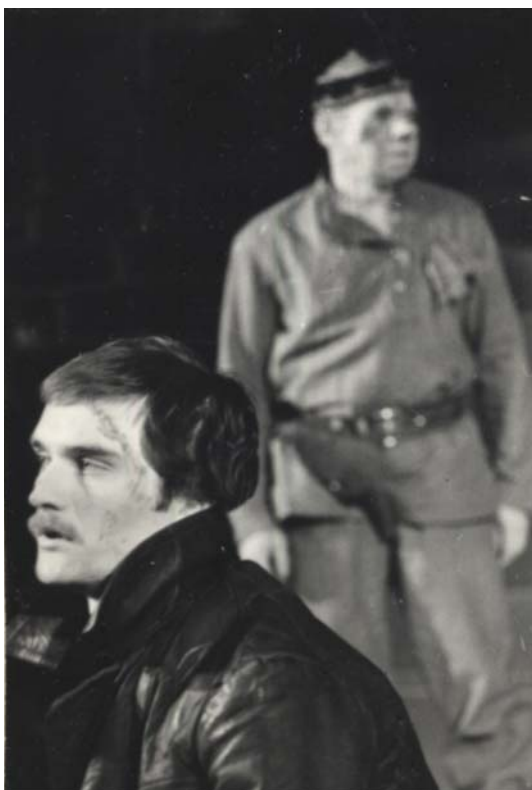
Двенадцать лет он проработал в Центральном академическом Театре Советской Армии, снимался в кино, поставил замечательные телевизионные фильмы по пьесе Армена Зурабова «Лица» с Евгенией Симоновой и Ларисой Малеванной (где, кажется, впервые прозвучала песня почти забытого сегодня Евгения Бачурина «Дерева вы мои, дерева...») и «Белые розы, розовые слоны» У. Гибсона, в котором последнюю свою роль сыграл Андрей Миронов... На сцене ЦАТСА появились его спектакли «Макбет» Шекспира и «Обретение» И. Друцэ, но подлинным событием, не забытым театрами до сей поры, стал спектакль «Святая святых» И. Друцэ.

Попасть на него на протяжении всех лет, что он шел, было практически невозможно — и по причине блистательных актерских работ Ирины Деминной, Николая Пастухова и Игоря Ледогорова (как горько, что сегодня никого из них уже не осталось!), и по той настоящей правде о человеческой безответственности и равно-

«Фаворит». 1976

«Молва».
А. Балувев и
Н. Корнаухов

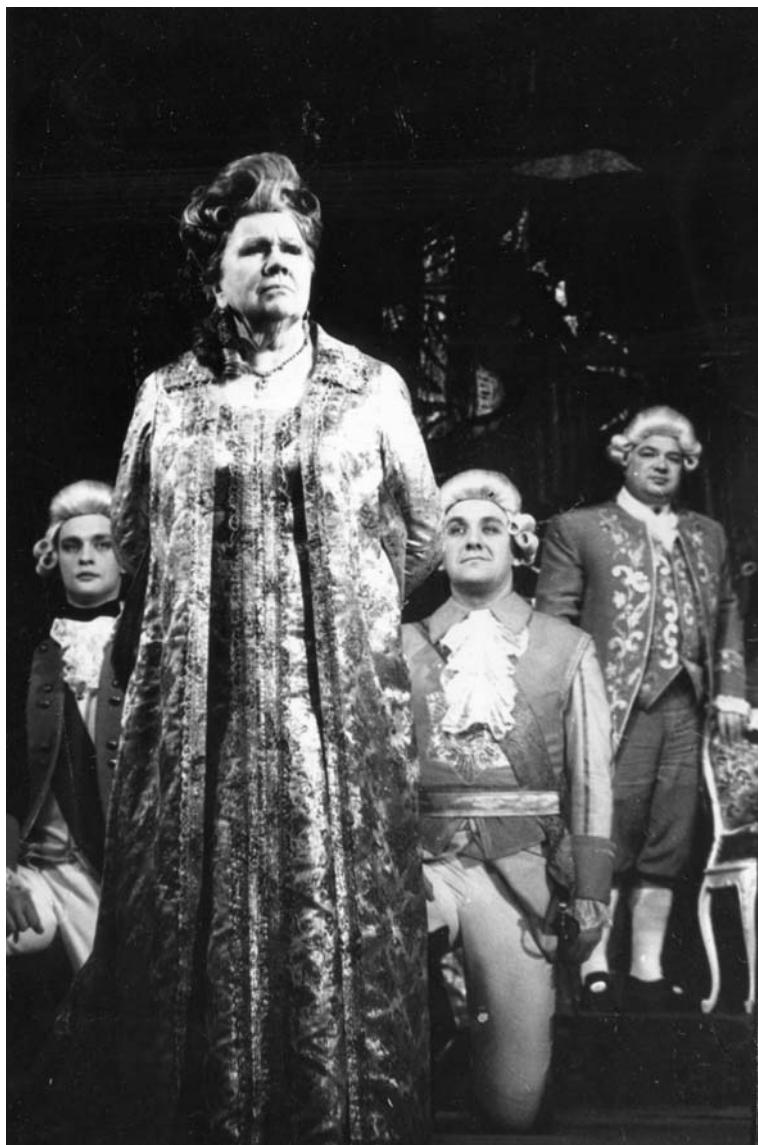

души, что звучала буквально в каждом слове драматурга и темпераментно, с искренней болью волной шла в зал от исполнителей. И — о том, что непременно найдется в этом мире хотя бы один человек, который возьмет всю ответственность за несовершенство людей на себя.

Я видела этот спектакль множество раз, каждый раз болезненно, остро переживая происходящее и невольно «выстраивая» по нему «линию жизни». Постепенно приходило осознание пронизывающей пьесу и спектакль мысли об истинном, непоказном христианстве, о глубоких корнях веры, которые, никак не акцентируя, проповедовали в «Святая святых» Ион Друцэ, Ион Унгурияну, Ирина Демина, Николай Пастухов, Игорь Ледогоров. О высокой поэтической составляющей подобного мировоззрения и, в конце концов, о его единственности...

Совершенно по-иному, но столь же твердо звучала эта особая мелодия в таких разных, ни в чем не похожих работах, как «Обретение» и «Лица», и мысль, сформулированная в широко известных ныне строках: «Человечество живо одною Круговою порукой Добра...», — властно приковывала к себе, формируя в молодых зрителях чувства справедливости и человеческого достоинства.

Это было учительство в толстовском понимании, но в современном толковании, лишенное назидательности, рассчитанное на пробужде-

«Обретение».
А. Домогоаров,
Н. Сазонова,
В. Абрамов,
В. Бураков

ние мысли и чувства каждого, буквально каждого. И невероятный, какой-то космический успех спектакля «Святая святых» говорил сам за себя. Честно говоря, мне и по сей день не довелось встретить тех, кто видел его всего один раз, потому что на него ходили как на проповедь, вызывающую к исповеди.

Хотя бы самому себе...

А потом Ион Унгуряну вернулся в Молдавию. Наступили другие времена, он стал министром культуры и культов — возвращал церкви, ставшие в советское время музеями, прихожанам, открывал маленькие театры, много внимания уделял библиотекам — это особенно беспокоило отца Унгуряну, человека, который неграмотным крестьянином попал в царскую армию, там выучился грамоте и собрал большую библиотеку, пристрастив сына к чтению. Кстати, Унгуряну рассказывал, что одной из причин того, что

он, студент Педагогического института, уехал учиться в Москву и поступил в театральный, была именно та, что в Кишиневе он перечитал в библиотеках, кажется, все, что было.

90-е годы, когда Ион Унгуряну стал министром, вошли в наше сознание двойственно: с одной стороны, развал Советского Союза вызвал невероятную эйфорию в каждой из прежних советских республик. Казалось, что начинается новая и прекрасная жизнь, не зависящая больше от распоряжений из Москвы, самостоятельная, а значит — свободная. Много дров было наломано в ту пору, и не один Ион Унгуряну стал относиться ко всему, что еще совсем недавно было ему дорого, иначе: доходили глухие слухи о его, мягко говоря, нетолерантном отношении к России, о неприкрытой тяге к европейским ценностям. Но ведь и Раймонд Паулс, снискавший подлинный успех именно в СССР, став министром культуры, в числе первых своих шагов на этом высоком посту, разрушил один из лучших театров страны — Рижский ТЮЗ под руководством Адольфа Шапира. И далеко не он один...

«Лес рубят — щепки летят...» — как же справедлива эта старая поговорка, только летят не щепки, а судьбы человеческие, и поправить во след, переписать историю уже нельзя. Прошедшие два с лишним десятилетия уже в первых своих годах обнажили трагическую разъединенность людей культуры, разорванность лучших страниц истории искусства, создаваемого всеми вместе, на жалкие клочки. Постепенно все стало устанавливаться — но с каким трудом, с какой болью и непоправимостью утрат!..

Слышала, что в последние годы Ион Унгуряну от театра и кинематографа отошел, как, впрочем, и от политики, он больше занимался общественной деятельностью. В одном из интервью 2009 года признался в том, что в бессонные ночи порой ловит себя на том, что продолжает репетировать с Людмилой Чурсиной «Макбета» — не может избавиться от ощущения, что не во всем помог этой замечательной актрисе. Вспоминает с благодарностью и нежностью о Руфине Нифонтовой, Ирине Деминой, которых давно нет уже на свете...

Но как бы то ни было, мои воспоминания о нем окрашены в светлые тона — он подарил своим спектаклем «Святая святых» моему поколению счастье ученичества, урок человечности на всю оставшуюся жизнь...

И для многих его «деревя» проросли из крошечных ростков в сильные стволы с пышной кроной. **ИБ**